

Олег Овчинников

Деды и прадеды

Олег Овчинников

Деды и прадеды

«Автор»

2006

Овчинников О. В.

Деды и прадеды / О. В. Овчинников — «Автор», 2006

Автор продолжает рассказ о столкновении Павла Петровича Кирсанова и Базарова - героев романа «Отцы и дети» Ивана Тургенева.

© Овчинников О. В., 2006

© Автор, 2006

Олег Овчинников

Деды и прадеды

Весь без малого месяц, пока племянник Аркадий с его новоявленным приятелем провели в разъездах: побывали сначала в городе ***, под конец заглянули в родовое поместье Базарова, но сбежали оттуда уже на третий день, не вынеся тамошней скуки и излишне трепетной благоговейности со стороны родителей Евгения, которой молодым людям нечего было противопоставить, а по пути туда и на обратном еще дважды гостевали, то есть в пору сказать *гащивали* в Никольском у Одинцовой Анны Сергеевны – все это время Павел Петрович Кирсанов не находил себе покоя. Нет, он не оставил присущих ему аристократических привычек и *сomme d'habitude*, когда выходил к чаю, выглядел подтянутым, до блеска выбритым и не позволяющим себе даже маломальского небрежения в своем туалете, но надобно заметить, что число самих выходов Павла Петровича на люди сильно сократилось против обычного. Теперь его все чаще можно было застать сидящим на стуле в своей комнате с бессмысленно блуждающим по стене взглядом или прогуливающимся вдоль садовой аллейки с сцепленными за спиной руками и зажатую в них тростью; он гулял в одиночестве мимо сиреневых кустов, которые по причине необычайно ранней в этом году весны давно отцвели, не замечая их, подолгу и без цели; и поворачивал обратно, только когда упирался в оградку. Обеспокоенный таким поведением брата Николай Петрович часто справлялся у Павла Петровича о состоянии его здоровья, но, получив в ответ либо ничего, либо скупую жалобу на обострившееся «разлитие желчи», лишь в недоуменной растерянности пожимал плечами и шептал под нос себе «Это ничего, это весеннее...», хотя на дворе стояла уж середина июля.

Беспокойство Павла Петровича и его постоянная задумчивость имели своей причиной тот вызов, что бросил ему Базаров незадолго до отъезда из Марьино. И даже не бросил, а будто бы походя обронил в своей обычной развязной манере, словно и не надеясь услышать в ответ что-либо дельное. И теперь Павла Петровича частенько посещал один и тот же сон, в коем он представлялся себе стареньким и слепеньким лакеем, который все пытается поднять с пола оброненную барином перчатку да все не может, а только причитает беспомощно: «От уж мы ее, ваше сс-тство! за мизинчик! За мизинчик-с подденем», оступаясь и оскальзываясь на гладком мраморном полу.

Двухдневный срок, щедро отпущенный Базаровым Павлу Петровичу на то, чтобы он отыскал в современном быту хоть одно постановление, сиречь утверждение, которое не вызвало бы полного и беспощадного отрицания, давно истек; более того, истек неоднократно. «Да я вам миллионы таких постановлений приведу!» – воскликнул тогда Павел Петрович в горячности спора, о чем сейчас вспоминал с неудовольствием: Базарова уж месяц как нет, а он, однако ж, до миллиона немного пока не дотягивает. Самую малость: примерно девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто восемь, плюс-минус еще парочку.

В ночь, предшествующую возвращению молодых людей в Марьино, Павлу Петровичу особенно не спалось; хоть он и не мог знать заранее точную дату и время их прибытия, однако томительное предчувствие близящейся развязки не покидало его в эту канунную ночь. Нервически заламывая пальцы, а временами даже покусывая верхнюю губу, он в сотый, наверное, раз *arguigi*, то есть в отсутствии оппонента, мысленно спорил с Базаровым, попеременно продумывая реплики то за себя, то за него; и в сотый раз оказывался проспорившим. Приходилось признать, что нигилист всегда получает преимущество в споре по сравнению с человеком, имеющим убеждения: ломать – не строить, отрицать – не утверждать, даже если утверждаешь всем известную прописную истину.

«Разве возможно говорить с ним об тонкостях искусства? – думал Павел Петрович. – Или, скажем, о политическом устройстве общества? Нет, сии материи он отринет сразу же.

Они слишком тонки для его грубого, а la peasant, ума и оттого будут подвергнуты отрицанию незамедлительно. Вернее будет, пожалуй, попробовать упредить Базарова на том фронте, где он особенно силен, а значит, менее всего ожидает нападения – в так называемых точных науках...»

Представляя Базарова своим непримиримым противником, почти неприятелем, Павел Петрович уже не мог строить планы общения с ним иначе как в терминах военного времени.

«Завести с ним разве беседу о *принципе* относительности Эпштейна? – продолжал свои размышления отставной капитан. – Так ведь он не открыт еще. К тому же, Базаров не единожды утверждал, что не приемлет никаких *принципов*. О чем тогда? об физике? Вот, например, чем не постановление: электрический ток есть упорядоченное движение мельчайших отрицательно заряженных частиц. А вода в чайнике, напротив, нагревается из-за того, что частицы в ней движутся без всякого порядка. Сумеет он оспорить такие утверждения? – Павел Петрович вздохнул и перевернулся на другой бок, вызвав унылый сочувствующий вздох перины. – Сумеет. Скажет: как можно вести речь о частицах воды или металла, когда их не способен различить даже мой микроскоп? Нет, нигилист может говорить утвердительно о том лишь, что он в состоянии потрогать рукою или хотя бы увидеть глазом. Потом, почему вы говорите о частицах что они, якобы, отрицательно заряжены? Разве не так устроена жизнь, что то, что одному кажется отрицательным, для другого – благо? Это взгляд субъективный, не свойственный человеку науки. Если же спросить его, не обинуясь, отчего же в таком случае греется вода в чайнике, а по проводу течет ток, то он, чего доброго, сведет разговор к ботанике и ответит, что все от тех же прозрачных инфузорий с кулачками вместо зубов, которых я имел удовольствие наблюдать посредством его микроскопа. Только ток – это слаженное перемещение полчища инфузорий, понукаемых двигаться в одну сторону их предводителем, а тепло – это их же суетные метания после того, как они предводителя потеряли. А если спросить напрямик: куда же делся предводитель? – он в ответ только глумливо осклабится. Помер, скажет. Его кипятком окатили, вот он и издох...»

– Тыфу, черт! Я уже, кажется, настолько привык выражаться в свойственной Базарову манере речи, что сам едва не стал нигилистом, – вслух возмутился Павел Петрович. – И отчего я все сбиваюсь на анахронические явления? какое, помилуй Господь, электричество? На дворе давно уже, слава богу, не темное средневековье, а просвещенный девятнадцатый век! Мало разве в нашем современном быту постановлений, которые не вызывают сомнений и, вместе с тем...

Он неожиданно замолчал и сел на кровати, как будто пораженный новой, только что пришедшей ему на ум мыслью.

– А что если мы зайдем в обход флангов? – негромко пробормотал он.

Затем порывисто вдел ноги в тапочки, нащупал на столике возле кровати спички в серебряном коробке и вышел в коридор, освещая себе путь трепещущим огоньком свечи. Павел Петрович осторожно, стараясь не шуметь, отворил дверь, ведущую в спальню брата, прикрыл дрогнувшее было от сквозняка пламя ладонью и уверенно прошествовал прямо к библиотеке из темного орехового дерева, в которой Николай Петрович хранил свои книги.

Там он после некоторого сомнения выбрал одну, с немецким названием и большою звездой с восемью концами на обложке, вернулся с нею к себе в кабинет и, вздохнув, погрузился в штудии.

Заснул Павел Петрович только под утро, как был: сидя в своем излюбленном гамбсовом кресле и с раскрытой примерно на середине книгой на коленях. Зато и с полностью подготовленной диспозицией.

Этим утром ему впервые ничего не снилось. Днем, впрочем, ему ничего не снилось тоже, а вечером, когда Павел Петрович наконец отошел от праведного сна, в Марьино как раз возвратились Аркадий с Евгением, вызвав немалый переполох у обитателей усадьбы. Не отставая

от прочих, Павел Петрович также спустился в гостиную, чтобы поздороваться с прибывшими, и даже пожал руку Базарову, немного снисходительно улыбаясь при этом. К его неудовольствию, Базаров сразу же после приезда, сославшись на усталость с дороги и на головную боль, удалился во флигель, где ему была отведена комната, и не появился оттуда даже к ужину; он и впрямь выглядел в этот вечер довольно бледно, казался подавленным и держался без привычной самоуверенности – так что Павлу Петровичу не осталось ничего иного, как только отложить выяснение отношений с ним до следующего утра.

На другое утро Павел Петрович вышел к завтраку первым, когда слуги еще не закончили выставлять посуду на стол, и явно пребывал во всеоружии: с особым тщанием причесанный, с напомаженными висками, он распространял вокруг себя ощущение неколебимой уверенности в себе вкупе с сильным ароматом духов. Крупные опалы в рукавах его английского *сьюта* блистали как наново отшлифованные, и даже накрахмаленный воротничок сорочки, который, кажется, в этот раз впивался в его шею сильнее обычного, нисколько не сковывал его; напротив, старший из Кирсановых смотрелся необыкновенно свободным и даже не лишенным некоторой игривости. Пару раз он начинал насвистывать негромко что-то бравурное, торжественное, а когда помогал Дуняше устанавливать самовар на стол и отразился в его гладком начищенном боку, то не удержался и подмигнул своему отражению.

Наконец появились остальные: сначала Николай Петрович, который сразу после обычного приветствия не преминул заметить брату, что тот сегодня выглядит значительно похоронившим, на что Павел Петрович ответил ему незначительной усмешкой; затем почти одновременно – Евгений с Аркадием, Аркадий с порога пожелал всем доброго дня, а Евгений только кивнул головою, ни на кого не глядя, когда сел на стул.

Стали пить чай. Несколько времени прошло в полном молчании.

– А ведь нынешний день действительно обещает быть добрым, – начал разговор Павел Петрович. – Жарко сегодня, не правда ли? – прибавил он и потербил узел галстука. Примечательно, что говорил Павел Петрович, обращаясь, как будто, ко всем собравшимся за столом, но смотрел при этом исключительно на Базарова. И, когда заметил, что слова его не произвели должного эффекта, повторил вкрадчиво: – Не правда ли, а? господин нигилист?

– Не знаю, – лениво отвечал тот, откладывая изрядно надкушенный пирожок обратно в тарелку. – Я сегодня на улицу не выходил.

– Однако же, согласитесь, что летом погода, как правило, бывает жаркою. А зимой, напротив, случаются морозы. Между тем как весной или осенью...

– И что из того? – нетерпеливо перебил Аркадий. – Разумеется, лето жарче зимы, поскольку летом Солнце стоит ниже.

– Ниже? – придав своему лицу наивное выражение, переспросил племянника дядя.

– Ну, ближе.

– Хорошо, – Павел Петрович перенес свое внимание на Аркадия. Отложив на время попытки разговаривать с Базаровым напрямую, он надеялся косвенно воздействовать на него через его друга. То есть, продвигался вперед не «артиллерийским наскоком», как говаривал один знакомый его по службе майор-артиллерист, а исподволь, неторопливо. – Вот вы сейчас высказались в том смысле, что Солнце летом, мол, стоит ниже. А ведь оно не стоит. Оно, если вдуматься, постоянно кружит вокруг Земли, то приближаясь, то удаляясь...

– Так ли? – с недоумением во взгляде усомнился Николай Петрович. – Насколько мне помнится еще с докандидатских времен, это Земля оборачивается вокруг Солнца.

– Пусть так, – легко согласился Павел Петрович. – Птолемей, думается мне, был бы недоумен, ну да бог с ним, с Птолемеем! не суть важно! Земля так Земля. Значит, она постоянно кружит вокруг Солнца.

– Это вы, дядюшка, все кружите вокруг да около, – со смехом заявил Аркадий. – Признайтесь, к чему вы клоните? Зачем вообще затеяли этот разговор? То, что Земля обращается вокруг Солнца, мы знали и без вас.

– В самом деле? – нарочитое удивление проступило в интонации Павла Петровича. – Выходит, когда я утверждаю, что Земля вращается вокруг Солнца по вытянутой окружности, иначе говоря, по *эллиптической*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.